

О.В. Раевская

**ЖЮЛЬ МИШЛЕ И РОЛАН БАРТ:
ДВА ПОДХОДА К ПРИСУТСТВИЮ АВТОРА
В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

O.V. Raevskaya

**JULES MICHELET AND ROLAND BARTHES:
TWO APPROACHES TO THE AUTHOR'S PRESENCE
IN HISTORIOGRAPHICAL DISCOURSE**

Аннотация. Жюль Мишле, тексты которого отличаются ярко выраженным авторским началом, определил многие ключевые вехи в научной биографии Ролана Барта, заявившего о «смерти автора» как научной концепции. Обращение к текстам французского семиолога дает основание видеть и в них следы авторского присутствия, выраженные, однако, совсем не так, как у французского историка. Указанные проявления сходства и различия между обоими мыслителями становятся более явственными, если представить, что Барт в своем восприятии стилистики исторических работ Мишле прошел круг. В начале творческого пути он восторженно воспринимал четко выраженную и даже нарочито демонстрируемую авторскую позицию Мишле. В представлении Барта историк предстал во многом не как академический ученый, а как создатель страстного и психологически насыщенного нарратива. Подобная манера воспринималась Бартом как оптимально подходящая для описания прошлого. Высокий градус эмоциональности и крайний субъективизм оценок создавали возможность складывания богатого набора интерпретаций, что для будущего выдающегося семиолога представлялось наиболее принципиальным действием при обращении к историческому материалу. Следующей вехой бартовского восприятия Мишле стало время после появления концепции «смерти автора». Теперь взгляд и манера историка виделись ему архаичными, изжившими себя и не соответствующими требованиям, предъявляемым к современному гуманитарному дискурсу. Однако столь неожиданная резкая оценка своего прежнего кумира является для Барта не столь прямолинейной и однозначной, как может показаться на первый взгляд. Констатируя несовременность Мишле, Барт одновременно переоткрывает его для эпохи нового

Раевская Ольга Владимировна, доктор филологических наук, профессор, ведущий кафедрой иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Raevskaya Olga Vladimirovna, Doctor in Philology, Professor, Head, Foreign Languages Department, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-495-939-55-77; oraev@list.ru

гуманитарного знания, заявленной на Западе в рамках структуралистского подхода. Доминирующее личностное авторское начало у Мишле рассматривается Бартом одновременно и как одно из возможных означающих, интерпретирующих историю как означаемое. Богатство исторических фактов становится при такой проблемной фокусировке фактически бескрайним пространством для неограниченного семиозиса, что соответствовало разрабатываемой Бартом семиологии.

Ключевые слова: Жюль Мишле, Ролан Барт, историография, исторический дискурс, семиотика, Коллеж де Франс.

Abstract. Jules Michelet, whose texts are distinguished by a pronounced authorialism, determined many key milestones in the scientific biography of Roland Barthes, who declared “the death of the author” as a scholarly concept. The analysis of Barthes’s texts gives grounds to find traces of the author’s presence, though in a completely different way than in Michelet’s works. These similarities and differences between the French semiotician and the French historian become more evident if we imagine that Barthes made the full circle in his perception of the stylistics of Michelet’s historical works. At the beginning of his career, Barthes enthusiastically welcomed Michelet’s clearly expressed and even deliberately demonstrative authorial position. He saw Michelet not as an academic scholar, but as an author of a passionate and psychologically intense narrative. In Barthes’s thought, this was the manner best suited to the description of the past. The high degree of emotionality and extreme subjectivity of evaluations formed a rich set of interpretations. Barthes regarded this methodology as the most fundamental approach to the historical material. The next step in his perception of Michelet was done after the emergence of the concept of “the death of the author”. He saw Michelet’s views and style as archaic, outmoded and inadequate to the modern discourse. However, this unexpectedly harsh attitude to his former idol is not as straightforward and unequivocal for Barthes as it might seem at first glance. By stating Michelet’s irrelevance, Barthes simultaneously rediscovers him for the era of new humanities knowledge, which is proclaimed within the framework of the structuralist approach in the West. Barthes regards Michelet’s authorialism as one of the possible signifiers interpreting history as a signified. In this case, the richness of historical facts creates virtually limitless space for unlimited semiosis, which was in line with Barthes’s semiology.

Keywords: Jules Michelet, Roland Barthes, historiography, historical discourse, semiotics, Collège de France.

* * *

С студирования трудов Жюля Мишле начинал свой путь в науку Ролан Барт — один из самых цитируемых авторов XX в. Чтение Мишле стало «основополагающим для его творчества»¹, а сам историк — не просто научным авторитетом, но определенной точкой отсчета, из которой тянется одна из сквозных линий его творчества — линия *автора*, авторского «Я» в тексте.

¹ *Villemur F.* Entre Michelet et Barthes // *Communications.* 1996. N 63. P. 113.

Объявивший о «смерти автора» (и во многом благодаря этому ставший знаменитым) Барт свою первую работу написал о Мишле, чьи труды по истории Франции отмечены яркой авторской печатью. Мишле был единственным, кого Барт, по его собственному признанию, прочитал полностью, чему во многом способствовали обстоятельства лечения от туберкулеза. На подготовительную работу ушло несколько лет в санаториях начиная с 1942 г. и более тысячи карточек-выписок из текстов историка. У Барта была даже мысль написать о Мишле диссертацию.

В 1954 г. в издательстве “Seuil” (серия “Les écrivains de toujours”) вышла книга “Michelet par lui-même” («Мишле о себе самом»), с которой Барт, по собственному признанию, ощущал глубокую связь — в отличие от других, гораздо более известных работ. Но и без этого авторского свидетельства очевидно, что жизнь и творчество Мишле сильно на него повлияли. Поль Петитье, готовившая два последних издания сочинений французского историка, определила “Michelet par lui-même” как текст-матрицу², из которой вырастает творчество Барта. На ключевых этапах его интеллектуальной биографии непременно обнаруживается фигура Мишле, возрождаемого тем самым к жизни в новом научно-историческом контексте.

Книга “Michelet par lui-même” примечательна во многих отношениях.

Это «совершенно личностное и всецело антиакадемическое эссе»³ вызвало резкое неприятие в университетской среде прежде всего своим психоаналитическим подходом к классику французской историографии со стороны начинающего исследователя, имя которого еще ничего не говорило читателю. В критической рецензии “Le Monde” под названием «Экстравагантный Мишле» Барту ставились в вину и трудный для понимания язык, и взгляд на Мишле как на больного, одержимого⁴.

В книге о Мишле как в зеркале отражался сам автор, который, «освещая творчество историка, строит также и свой образ»⁵. Начать хотя бы с уже упомянутого бартовского туберкулеза. У Мишле было схожее недомогание, которое современники называли “*fatigue de la poitrine*”, отмечая, что проблемы с дыханием сказывались на

² *Petitier P.* Le Michelet de Roland Barthes // *Littérature*. 2000. N 119. P. 118.

³ *Роже Ф.* Что нам делать без Ролана Барта? // Что нам делать с Роланом Бартом? Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г. М., 2018. С. 5–34.

⁴ URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1954/04/10/un-michelet-extravagant_2014355_1819218.html (дата обращения: 08.03.2021).

⁵ *Petitier P.* *Op. cit.* P. 112.

ритме его речи⁶. Болезнь — одна из граней подчеркнутой телесности применяемой Бартом психоаналитической оптики, становящейся зеркальной. «Почитать Барта, так Мишле предстает сексуально одержимым — разве что одержимым является сам Барт»⁷.

Из “Michelet par lui-même” от Мишле тянутся, переплетаясь, важные линии бартовского творчества.

Две из них обозначены приведенными выше эпитетами — «личный» и «антиакадемический»: *присутствие Барта-автора*, отражающегося в зеркале Мишле, и *отсутствие истории* в «психоанализе текстов знаменитого французского историка»⁸.

Кажется, что Барта совсем не интересует, что думает Мишле об истории (*l'épistémologie michelettiste, l'apport de l'historien*⁹). Но так может казаться только до публикации в 1967 г. работы “Le discours de l'histoire”¹⁰, которая показывает, что, читая Мишле, Барт видел в его текстах не только следы мигрени, но и работу историографа. Бартовская семиотика исторического дискурса многим обязана знакомству с трудами Мишле, который неоднократно упоминается как «великий классик истории».

Свою теорию исторического дискурса Барт начинает с яacobсоновских шифтеров, используя параллельно с английским термином французскую кальку “*embrayeur*” (*сцепление*, как термин из области механики). Речь идет об элементах текста типа «короче говоря», «по нашему мнению» и т.п. Если вспомнить, что А. Вежбицкая называла это метатекстовыми нитями¹¹, можно (подвергаясь, конечно, определенному риску) усмотреть в этом гендерно обусловленное различие в путях метафоризации. Если Яacobсон и Барт видят в высказывании нечто похожее на механизм действия мотора, для запуска которого необходимо «короче говоря», то Вежбицкая сравнивает его с плетением ткани со сквозными — метатекстовыми — нитями.

Барт выделяет два типа шифтеров. Первый отсылает к источникам, свидетельствам, личному опыту историка («насколько нам известно», «как я слышал» и т.п.). В качестве примера приводится Мишле, который «слушает» историю Франции, вдохновляясь судь-

⁶ *Levallois J. Mémoires d'un critique. Paris, 1895. P. 81.*

⁷ *Godechot J. Roland Barthes. Michelet par lui-même // Annales historiques de la Révolution française. 1973. N 214. P. 627.*

⁸ *Косиков Г.К. Ролан Барт — семиолог, литературовед // Ролан Барт. Нулевая степень письма. М., 2008. С. 6.*

⁹ *Petitier P. Op. cit. P. 121.*

¹⁰ *Barthes R. Le discours de l'histoire // Studies in Semiotics. 1967. P. 65–75.*

¹¹ *Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402–421.*

ективным опытом Июльской революции 1830 г. Второй — это «организаторы высказывания» («как было сказано выше», «возвращаясь к сказанному» и т.п.), т.е. типичная, по Якобсону, направленность сообщения на само сообщение.

Примеров из Мишле у Барта в работе нет, хотя тексты историка обильно «прошиты» метатекстовыми нитями, среди которых есть как нейтральные «организаторы высказывания» («скажем здесь, что», «мы поговорим об этом в другом томе» и т.п.), так и маркированные в авторском отношении ментальные и эмотивные модусы («мне трудно поверить, что», «мы все-таки без колебаний скажем, что» и т.п.). Метатекста у Мишле много, и он выполняет две функции: структурно организует текст и содержательно создает образ автора. Вот один из примеров: «И восемнадцатый век, который должен начать все сначала, видит в 1700 г. только духовных лакеев. *Это слово вырвалось у меня, и я его не уберу, а остановлюсь на нем. Много раз я краснел, когда писал этот том, но мне пришлось бы краснеть сильнее, если бы я поместил сюда чахлую Францию Людовика XIII и богатую, жирную, триумфальную Голландию со счастливым уделом ее граждан на фоне нищеты французских подданных*»¹² (здесь и далее выделено мной. — О.Р.).

В теории исторического дискурса Барта есть место категории автора, однако автор рассматривается как категория высказывания, а не как человек. Хотя автор (*énonçant* или *destinateur*) и признается «личностью, наделенной психологической полнотой» (“*personne, pourvue d’une plénitude psychologique*”), ничего о Мишле — как, впрочем, и о Макиавелли, который тоже часто цитируется — в их собственно авторской ипостаси не говорится. И тот факт, что Мишле так часто и подробно говорит о себе на страницах своих книг, не отмечается Бартом, хотя очевидно, что в этом наглядно проявляется как раз та самая «психологическая полнота».

Труды Мишле дают богатейший материал на эту тему. Мало кто из историков так явно и ярко, так часто и разнообразно присутствует в своих текстах. В этом разнообразии можно выделить несколько наиболее важных граней авторского присутствия. Чаще всего это то, что лингвисты называют модусом высказывания, который может быть ментальным («*Я никогда не поверю, что такой человек мог сказать это слово серьезно*»¹³) или эмотивным («*Мне не хватает смелости воспроизвести длинную речь, которой Жан Пети попы-*

¹² *Michelet J. Histoire de France au dix-septième siècle. T. XI. Henri IV et Richelieu. Paris, 1857. P. 454.*

¹³ *Michelet J. Histoire de France jusqu’au XVI siècle. T. IV. Paris, 1852. P. 7.*

тался оправдать убийство»¹⁴). Нередко Мишле демонстрирует профессиональную саморефлексию («Мы написали эту историю с очень строгой точки зрения, более итальянской, европейской, чем французской; вот в чем нас упрекнул»¹⁵) и оценивает труды коллег-историков («Мне неприятно видеть, что все историки ошиблись на счет Генеральных штатов 1484 года, которые есть не что иное, как реакция аристократии»¹⁶). Историк свободно выражает личное отношение к известным историческим деятелям («В конечном итоге я меньше виню Ришелье, чем его время, его монархическую фатальность»¹⁷; «Каков би ни был мотив Бонифация VIII, фискальный или политический, я не сержусь на него за это прекрасное изобретение Юбилея»¹⁸).

От категории автора, не раскрытой в своей «психологической полноте» (хотя Мишле к этому, казалось бы, располагает как никто другой из историков), Барт переходит к категории факта — одной из ключевых для исторической науки, и подвергает ее решительному, если не сказать провокативному, переосмыслению. С точки зрения семиолога историк имеет дело не столько с фактами (faits), сколько с означающими (signifiants), из чего следует парадоксальное, по его собственному признанию, заявление о том, что «факт существует только в языке» (“le fait n’a jamais qu’une existence linguistique”¹⁹). Так Барт фактически становится одним из «регулирующих» того этапа в развитии гуманитарной мысли, который получил название «лингвистического поворота»²⁰.

Дойдя до этого поворота, имеет смысл оглянуться на пройденный Бартом путь по маршруту «Мишле» и оценить его. В начале своей научной карьеры, представляя Мишле с точки зрения психоаналитика, он оставил вне поля зрения историю как дело его жизни. Десять лет спустя, анализируя труды историков, включая Мишле, он посягнул на то, что можно назвать онтологией исторического дискурса, т.е. на историю как предмет историографии.

Работа Барта завершается печальной констатацией. По сравнению с XIX — «золотым» — веком истории с ее стремлением к пол-

¹⁴ Ibidem. P. 170.

¹⁵ Michelet J. Histoire de France au dix-septième siècle. T. XI. Henri IV et Richelieu. P. 186.

¹⁶ Michelet J. Histoire de France au seizième siècle. Guerres de religion. T. IX. Paris, 1856. P. 7.

¹⁷ Michelet J. Histoire de France au dix-septième siècle. T. XI. Henri IV et Richelieu. P. 451.

¹⁸ Michelet J. Histoire de France. T. III. Paris, 1852. P. 55.

¹⁹ Barthes R. Le discours de l’histoire. P. 73.

²⁰ Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб., 2015. С. 9–13.

ноте рассказа «о том, что было», наука середины XX в. переживает смерть исторического нарратива — “la narration historique meurt”²¹.

В 1967 г. Барт объявил еще об одной смерти. Сначала на английском, а на следующий год на французском языке вышла «Смерть автора» — программный для структурализма текст, одна из самых известных работ Барта. Речь в ней идет о художественной литературе, в центре внимания — творчество Бальзака, но фигура Мишле, современника писателя и признанного мастера пера, тоже неплохо подходит на роль автора. Можно сказать, что, объявив о смерти автора, Барт тем самым как бы признает, что так, как Мишле, — «во весь авторский голос» — больше не пишут.

И не только как Мишле. Присутствие автора на страницах своих книг входило в *modus scribendi* историков XIX в., так писали Адольф Тьер, Луи Блан, Ипполит Тэн, Эдгар Кинэ и многие другие. Франсуа Гизо прямо утверждал, что историк должен давать читателю «отчет о своей личности» в подтверждение достоверности сообщаемого²².

Получается, что с уходом плеяды французских историков, оставивших яркий авторский след в историографии («отчет о своей личности»), исторический нарратив умер. И о его смерти, как и о смерти автора, один из лидеров структурализма объявил буквально накануне мая 1968 г. А в феврале 1969 г. в Коллеж де Франс выступил Мишель Фуко с докладом «Что такое автор». Барта и его работу он не упоминал, но после доклада авторитетные структуралисты затеяли небольшую дискуссию, в пресуппозиции которой явно присутствовала бартовская идея «смерти автора».

Люсьен Гольдман, структуралист марксистского толка, подверг Фуко критике за «перспективу упразднения автора» и, процитировав написанную студентом Сорбонны на доске фразу «Структуры не выходят на улицы!», подчеркнул, что «историю никогда не делают структуры — историю делают люди». С этим категорически не согласился структуралист фрейдистского толка Жак Лакан, «потому как если что и демонстрируют майские события, так это именно выход на улицу структур». Так идея автора и его смерти актуализировалась структуралистами как репрезентация политической активности участников событий 1968 г.²³ Фуко завершил дискуссию, вернув ее из политического формата в научный: «Я полагаю, что в случае Маркса и Фрейда

²¹ Barthes R. *Le discours de l'histoire*. P. 75.

²² Гизо Ф. Очерк жизни и характера Эдуарда Гиббона. Цит. по: Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т. 1. Киев, 1891. С. 248.

²³ Фуко М. Что такое автор. Выступление на заседании Французского философского общества 22 февраля 1969 года в Коллеж де Франс. — URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/788> (дата обращения 05.07.2021).

мы имеем дело с авторами, трансдискурсивная позиция которых не совпадает с трансдискурсивной позицией таких авторов, как Платон и Аристотель. И следовало бы описать, чем является эта современная трансдискурсивность в противоположность прежней»²⁴.

Констатировав «смерть автора», Барт не расстается с Мишле как со своим alter ego. В 1975 г. он публикует книгу-автопортрет “Roland Barthes par Roland Barthes” («Ролан Барт о Ролане Барте»), которая очевидно перекликается с его дебютом «Мишле о себе самом». Фигура историка снова актуализируется, а линия автора приобретает нетривиальные очертания. Заявив, что «это книга не об идеях, а о моем “Я”»²⁵, Барт уточняет: «...здесь всё должно рассматриваться как сказанное романном персонажем — вернее, даже несколькими»²⁶. При этом основная часть фрагментов, составляющих книгу-эссе, написана не от первого, а от третьего лица. Барт — «романный персонаж» неоднократно отождествляет себя с историком (не сравнивает, а именно отождествляет, говоря о себе при этом в третьем лице): «...говоря о Мишле, он делает с ним то же самое, что, по его словам, сам Мишле делал с историческим материалом...»²⁷. «Р. Б. делает точно то же, что и Мишле в его изложении»²⁸. В таком причудливом самоописании, «с трудом сводящем концы с концами», как заметил С.Н. Зенкин, Барт предстает как «мета-автор», «мета-Барт»²⁹.

Мишле сопровождает Барта всю жизнь. Придя в 1977 г. работать в Коллеж де Франс, где в свое время преподавал Мишле, семиолог в своей вступительной лекции упоминает его чаще других, отдавая должное историку как наиболее авторитетной фигуре в своей интеллектуальной биографии. Барт признает, что благодаря Мишле ему открылась ведущая роль истории среди гуманитарных наук и «сила письма» (*la force de l'écriture*)³⁰. Иными словами, заслуга Мишле — в том, *о чем и как* он пишет.

И еще одно обстоятельство отмечает Барт: возглавив кафедру семиологии литературы, специально открытую для него в старейшем учебном заведении Франции, он начинает новую жизнь — *vita nuova* — подобно Мишле, вступившему в новую жизнь после

²⁴ Там же.

²⁵ Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте. М., 2002. С. 136.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 21.

²⁸ Там же. С. 126.

²⁹ Зенкин С.Н. Метабарт // Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте. С. 265.

³⁰ Barthes R. Leçon inaugurale au Collège de France. — URL: http://concertation.net/wp-content/uploads/2019/04/barthes_roland-lecon-ed-du-Seuil.pdf (дата обращения 01.04.2021).

женитьбы в 51 год. И здесь один из самых цитируемых гуманитариев XX в. добавляет в свою инаугурационную лекцию немного человеческого тепла, говоря, что «эта параллель — от любви» (“ce parallèle est d'affection”)³¹. Слово “affection” (любовь, привязанность, чувство) говорит об особом — личном, преодолевающем вековую дистанцию — отношении Барта к Мишле. Скобки, которые обычно маркируют менее существенную, дополнительную часть высказывания, авторский комментарий в статусе мататекста, в данном случае свидетельствуют о переключении регистра с официального на личный. В скобки Барт заключает (как будто прячет) свое пробивающееся сквозь интеллектуальный лоск авторское «Я», которое обычно склонен сдерживать (Сьюзен Зонтаг назвала это «reticence about the “I”»³²).

В начале своей научной карьеры, обратившись к текстам Мишле, Барт задавался вопросом о его современности. В письме другу он писал: «Большой вопрос, который меня беспокоит: является ли он (то есть и само исследование о нем) современным? Можно ли работать над Мишле и оставаться на нашей земле в 1945 г.?»³³. Возвращаясь к этому вопросу через 30 лет, когда научный мир отмечал столетие со дня смерти «отца французской истории», Барт начинает статью о нем так: «Мишле немоден, Мишле несовременен»³⁴. Причину этого он видит в идеологическом — мелкобуржуазном — *пафосе* историка, который его губит. «Там, где Мишле думал быть правдивым, искренним, пылким, вдохновенным, — сегодня он кажется мертвым, забальзамированным, *устаревшим* до неприятия»³⁵.

Пафос бартовской идеи о несовременности Мишле (“mort, embaumé: *démoté jusqu'au rebut*”) уравнивается автором в опубликованной вместе со статьей дискуссии. Отвечая на вопрос литературоведа Ж.-П. Ришара, он признается, что испытывает угрызения совести, упустив один важный пункт — «золото означающего» (“*l'or du signifiant*”): «Мишле, действительно, это текст, это письмо, это означающее; он изливает нечто, что является золотом означающего»³⁶. Барт считает, таким образом, что Мишле актуален не тем, *что* он говорит, а тем, *как* говорит. Добавим от себя, что это *как* определяется во многом авторским присутствием историка на страницах своих текстов.

³¹ Ibidem.

³² Sontag S. Remembering Barthes // The New York Review. May 15, 1980.

³³ Роже Ф. Указ. соч.

³⁴ Barthes R. Modernité de Michelet // Revue d'histoire littéraire de la France. 1974. N 5. P. 803.

³⁵ Ibid. P. 805.

³⁶ Ibid. P. 808.

С этим очевидно связана содержательная динамика интереса к творчеству Мишле, на которого в XX в. смотрят скорее как на писателя, чем как на историка³⁷. Мишле ушел с авансцены исторической науки, где теперь новые действующие лица с новыми научными подходами и риторическими манерами (вернее, их нейтрализацией, по Барту, до «нулевой степени»). Но он продолжает быть в поле зрения читателей, и не только историков с филологами. Интенсивность интереса к нему меняется, но его труды продолжают быть востребованными и сегодня. Как сказал уже в XXI в. П. Нора, «Мишле витает в воздухе» (“Il y a du Michelet dans l’air”), пришло время переиздать полностью, причем для широкой публики, его «Историю Франции»³⁸.

Сказано — сделано. Весной 2021 г. во Франции стартует очередное переиздание трудов Мишле в полном объеме (l’intégralité). Поскольку издателем выступает одна из ведущих французских газет — “Le Monde”, можно рассматривать этот масштабный издательский проект как просветительский, не лишенный, разумеется, коммерческого расчета. На страницах газеты (и на ее сайте) публикуются статьи известных специалистов-гуманитариев, ведется яркая рекламная кампания с предложением скидок и т.п.

Что привлекает в Мишле сегодня? Почему Барта тянет к нему на протяжении всей научной биографии? Рискнем предположить, что дело в авторском «Я» историка, которое встает перед нами со страниц его трудов. Рассказывая об истории Франции, Мишле неизменно раскрывается перед нами в той самой «психологической полноте», о которой говорил Барт. Заключительный пример: «Я некогда обидел этого славного человека и должен перед ним оправдаться. Когда же я вижу единомышленников по одним и тем же фактам — тех же историков, кто пишет для друзей Борджиа, я снова начинаю сомневаться. Впрочем, рассказы Буркарда отличаются такой искренностью, правдивой простотой, которая совершенно успокаивает. Я видел много лжецов. Так не лгут»³⁹.

Мишле, классик истории и литературы, говорит о себе во весь голос. Структуралист Барт не допускает такого явного авторского присутствия, хотя, как отметила С. Зонтаг, «все его творчество — не-

³⁷ Creighton C.M.H.G. La survivance de Michelet: Historiographie et politique en France depuis 1870. — URL: <https://pure.uva.nl/ws/files/6667952/09.pdf> (дата обращения 20.09.2021).

³⁸ Nora P. Michelet, le grand incarnateur. — URL: <https://www.lefigaro.fr/livres/2008/03/06/03005-20080306ARTFIG00496-michelet-le-grand-incarnateur-.php> (дата обращения 24.02.2021).

³⁹ Michelet J. Histoire de France. T. VII. P. 99.

вероятно сложное предприятие по самоописанию»⁴⁰. Присутствие автора — вот та точка, в которой сходятся нарративы Мишле и Барта, кардинально расходящиеся в том, что касается средств выражения этого присутствия.

References

Creyghton C.M.H.G. *La survivance de Michelet: Historiographie et politique en France depuis 1870*. — URL: <https://pure.uva.nl/ws/files/6667952/09.pdf>

Foucault M. *Chto takoye avtor. Vystupleniye na zasedanii Frantsuzskogo filosofskogo obshchestva 22 fevralya 1969 goda v Kollezh de Frans* [Qu'est-ce qu'un auteur? A Lecture Given at the Société Française de Philosophie on 22 February 1969 in the Collège de France]. — URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/788>

Godechot J. *Roland Barthes. Michelet par lui-même // Annales historiques de la Révolution française*. 1973. N 214. P. 627–630.

Kosikov G.K. *Roland Barthes — semiolog, literaturoved* [Roland Barthes: Semiologist, Literary Critic] // Barthes R. *Nulevaya stepen' pis'ma* [Le degré zéro de l'écriture]. Moscow: Akademicheskij proyekt, 2008. P. 5–45.

Nora P. *Michelet, le grand incarnateur*. — URL: <https://www.lefigaro.fr/livres/2008/03/06/03005-20080306ARTFIG00496-michelet-le-grand-incarnateur.php>

Petitier P. *Le Michelet de Roland Barthes // Littérature*. 2000. N 119. P. 111–124.

Potapova N.D. *Lingvisticheskiy povorot v istoriografii* [Linguistic Turn in Historiography]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta, 2015. 380 p.

Roger Ph. *Chto nam delat' bez Rolana Barta?* [What Are We to Do without Roland Barthes?] // *Chto nam delat' s Rolanom Bartom? Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [What Are We to Do with Roland Barthes? Proceedings of the International Conference]. Saint Petersburg, December 2015. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. P. 5–34.

Sontag S. *Remembering Barthes // The New York Review*. May 15, 1980.

Villemur F. *Entre Michelet et Barthes // Communications*. 1996. N 63. P. 113–120.

Wierzbicka A. *Metatekst v tekste* [A Metatext in the Text] // *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Issue 8. *Lingvistika teksta* [Text Linguistics]. Moscow: Nauka, 1978. P. 402–421.

Zenkin S.N. *Metabart* [Metabarthes] // Barthes R. *Roland Barthes o Roland Barthes* [Roland Barthes about Roland Barthes]. Moscow: Ad Marginem; Stalker, 2002. P. 262–286.

Поступила в редакцию
1 октября 2021 г.

⁴⁰ Sontag S. Op. cit.